

УДК: 51-77

Моделирование закономерностей мировой динамики

С. Ю. Малков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
факультет глобальных процессов,
Россия, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

E-mail: s@malkov.org

*Получено 18.03.2017, после доработки — 13.04.2017.
Принято к публикации 31.05.2017.*

В статье проведен анализ исторического процесса с использованием методов синергетики (науки о нелинейных развивающихся системах в природе и обществе), развитых в работах Д. С. Чернавского применительно к экономическим и социальным системам. Показано, что социальная самоорганизация в зависимости от условий приводит к формированию как обществ с сильной внутренней конкуренцией (Y-структуры), так и обществ кооперативного типа (X-структуры). Y-структуры характерны для стран Запада, X-структуры характерны для стран Востока. Показано, что в XIX и XX веках имело место ускоренное формирование и усиление Y-структур. Однако в настоящее время мировая система вошла в период серьезных структурных перемен в экономической, политической, идеологической сферах: доминирование Y-структур заканчивается. Рассмотрены возможные пути дальнейшего развития мировой системы, связанные с изменением режимов самоорганизации и ограничением внутренней конкуренции. Этот переход будет длительным и сложным. В этих условиях объективно будет возрастать ценность цивилизационного опыта России, на основе которого в ней была сформирована социальная система комбинированного типа. Показано, что в конечном итоге неизбежен переход от нынешнего доминирования Y-структур к абсолютно новой глобальной системе, устойчивость которой будет основана на новой идеологии, новой духовности (то есть новой «условной информации», по Д. С. Чернавскому), делающей разворот от принципов конкуренции к принципам сотрудничества.

Ключевые слова: кризис глобализации, моделирование мировой динамики, социальная самоорганизация

UDC: 51-77

World dynamics patterns modeling

S. Yu. Malkov

The Moscow State University,
The department of global processes,
Leninskie gory 1, Moscow, GSP-1, 119991, Russia

E-mail: s@malkov.org

Received 18.03.2017, after completion — 13.04.2017.

Accepted for publication 31.05.2017.

In the article is carried out the analysis of historical process with the use of methods of synergetics (science about the nonlinear developing systems in nature and the society), developed in the works of D. S. Chernavskii in connection with to economic and social systems. It is shown that social self-organizing depending on conditions leads to the formation of both the societies with the strong internal competition (Y-structures) and cooperative type societies (X-structures). Y-structures are characteristic for the countries of the West, X-structure are characteristic for the countries of the East. It is shown that in XIX and in XX centuries occurred accelerated shaping and strengthening of Y-structures. However, at present world system entered into the period of serious structural changes in the economic, political, ideological spheres: the domination of Y-structures concludes. Are examined the possible ways of further development of the world system, connected with change in the regimes of self-organizing and limitation of internal competition. This passage will be prolonged and complex. Under these conditions it will objectively grow the value of the civilizational experience of Russia, on basis of which was formed combined type social system. It is shown that ultimately inevitable the passage from the present domination of Y-structures to the absolutely new global system, whose stability will be based on the new ideology, the new spirituality (i.e., new “conditional information” according D. S. Chernavskii), which makes a turn from the principles of competition to the principles of collaboration.

Keywords: the crisis of globalization, simulation world dynamics, social self-organization

Citation: *Computer Research and Modeling*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 419–432 (Russian).

The work was supported by RFBR (project 16-06-00245).

1. Введение

Важнейшей особенностью последних десятилетий является то, что в этот период произошел слом тенденций, характерных для всей индустриальной эпохи: страны Запада стали довольно быстро утрачивать свое прежнее лидерство [Малков, 2015]. Одной из фундаментальных причин этого заключается в том, что устойчивость конкурентно ориентированной экономики западных стран возможна только при наличии притока дополнительных ресурсов извне (в условиях «игры с положительной суммой»). Именно получение дополнительных ресурсов являлось целью политики *колонизации* XIX в. и *глобализации* XX–XXI вв., проводимой западными странами. Однако, будучи реализованной, *глобализация* ставит предел возможностям роста, основанным на внешней экспансии. По завершению *глобализации* запас внешних ресурсов приходит к исчерпанию, неизбежен переход к «игре с нулевой суммой», период экстенсивного роста заканчивается.

Что нас ждет впереди? Какие перемены нас ожидают? Можно ли использовать для анализа сложившейся ситуации не только исторические и политологические, но естественно-научные методы? Ответ на последний вопрос, безусловно, положительный. Основой естественно-научных методов анализа макросоциальной эволюции являются методы синергетики (науки о нелинейных развивающихся системах в природе и обществе), развитые в работах выдающегося российского ученого Д. С. Чернавского применительно к экономическим и социальным системам [Чернавский, 2004]. Ниже представлены результаты анализа и прогноза развития современной исторической ситуации, основанные на идеях Д. С. Чернавского.

2. Социальная самоорганизация как объект моделирования

Чтобы понять, что нас ждет впереди, следует обратиться к истории и выяснить, не было ли аналогов современной ситуации в прошлом. Оказывается, исторические аналоги современного структурного кризиса уже были.

Действительно, история цивилизаций демонстрирует существенную неравномерность мирового развития: относительно спокойные периоды сменяются глобальными системными кризисами, приводящими к кардинальной перестройке геополитической структуры, принципов экономической и социально-политической организации обществ. Наиболее яркими примерами фазовых структурных переходов глобального масштаба со времени неолитической революции являются «городская революция» (IV–III тысячелетия до нашей эры), «осевое время» (VIII–III века до нашей эры, по К. Ясперсу [Ясперс, 1994]) и современная эпоха. Это хорошо иллюстрирует рис. 1 [Коротаев, 2007], отражающий динамику урбанизации на протяжении последних шести тысяч лет (динамика урбанизации является отражением динамики технического прогресса).

Указанные эпохи перемен — это глобальные структурные переходы, вызванные мощными технологическими сдвигами, резко расширявшими ресурсную базу и технические возможности человека, ускоряющими экономическое и культурное развитие (см., например, [Гринин, 2009]):

- первая эпоха перемен («городская революция») — следствие распространения *бронзовых* орудий, появления ремесел, гончарных изделий, повозок на колесах;
- вторая эпоха перемен («осевое время») — следствие распространения *железных* орудий, послужившего резким толчком в развитии земледелия, военного и строительного дела, наземного и морского транспорта;
- третья эпоха перемен (современная) — следствие *промышленной* революции, замены ручного труда машинным на основе научно-технических достижений.

Каждый раз эпохи перемен знаменовались неравномерностью развития и процессами *дивергенции*: появлялись общества-лидеры, которые, освоив новые технологии раньше других,

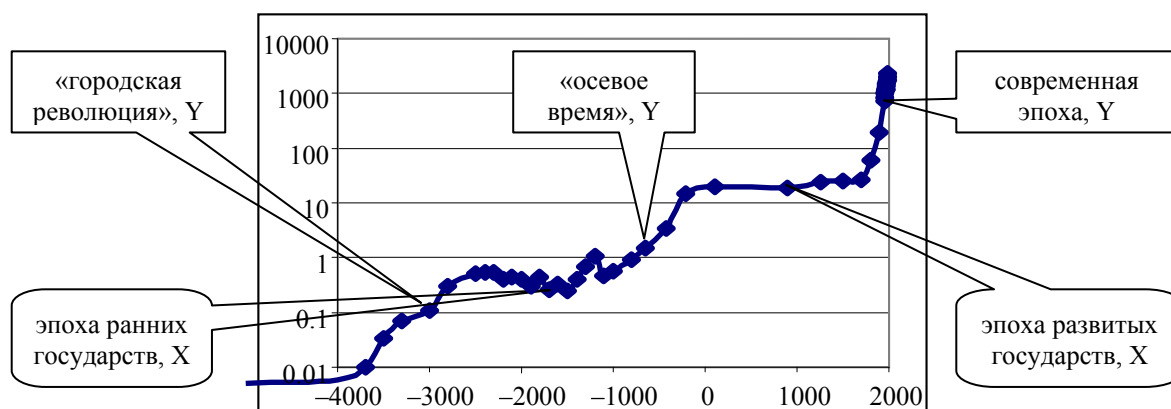

Рис. 1. Численность городского населения мира в логарифмическом масштабе, млн чел. (для городов с населением более 10 000 чел.), в период с 4000 года до н. э. по настоящее время. Источник: [Коротаев, 2007]

вырывались вперед и начинали влиять на развитие обширных регионов за пределами своих территорий. По существу, в каждую из эпох перемен происходили процессы «глобализации»:

- в эпоху «городской революции» происходил процесс перехода от раздробленной племенной структуры к ранним государствам;
- в «осевое время» — процесс формирования обширных империй, поглощавших этнические государства;
- в современную эпоху — процесс экономической и политической глобализации в полном смысле этого слова с формированием наднациональных институтов регулирования и управления.

Важно то, что в эпохи перемен происходит естественное смещение институциональных структур в сторону усиления *конкурентных* отношений внутри социальных систем. В условиях расширения ресурсной базы (вызванного применением новых технологий) конкурентные отношения стимулируют экономическую активность, поиск незанятых производственных ниш, внутреннюю и внешнюю торговлю. Примером государственных образований с высокой степенью внутренней конкуренции для эпохи «городской революции» являются города-государства Древней Месопотамии [Кирдина, 2001], для эпохи «осевого времени» — полисы Древней Греции, для современной эпохи — страны Запада.

Однако после завершения эпох перемен (после распространения новых технологий на всю ойкумену) процессы дивергенции сменяются на процессы конвергенции, ситуация стабилизируется, ресурсный рост замедляется (или прекращается). В этой ситуации происходит смещение институциональных структур в сторону усиления *кооперативных* взаимодействий и распределительных принципов внутри социальных систем. Примером государственных образований, основанных на распределительных принципах, являются страны Востока (имеется в виду дихотомичность, по Р. Киплингу: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»).

Рассмотрим различие социальной самоорганизации *конкурентных* (западных) и *кооперативных* (восточных) обществ [Малков, 2009].

Внутренняя логика организации и функционирования западных и восточных обществ такова, что в обществах первого типа приоритеты смещены в сторону достижения индивидуальных целей (максимизация всеми субъектами личных функций полезности); в обществах второго типа личность инкорпорирована в ту или иную социальную группу (слой), приоритеты ее деятельности направлены на реализацию групповых интересов. То есть для западных сообществ характерно наличие сильной *внутренней* конкуренции (примером этому является рыночная конкуренция частных производителей в западных индустриальных обществах), а для вос-

точных сообществ — преобладание *внешней* конкуренции (клан против клана, род против рода, государство против государства и т. п.). Взаимодействие такого типа может быть описано моделью конкуренции:

$$du_i / dt = a_i u_i - \sum_{j \neq i} b_{ij} u_i u_j - c_i u_i^2, \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N. \quad (1)$$

Здесь u_i — показатель, характеризующий «силу» (степень политического или экономического влияния, доминирования и т. п.) i -го субъекта в момент времени t . Коэффициент a_i характеризует интенсивность воспроизводства «силы» i -го субъекта. Коэффициенты c_i и b_{ij} характеризуют интенсивность внутренней и внешней конкуренции соответственно. Поведение социальной системы, описываемой уравнениями (1), подробно рассмотрено в [Малков, 2009]. Использование модели (1) для анализа дилеммы «Запад – Восток» показывает следующее.

1. Различие Запада и Востока — это отражение объективных законов самоорганизации общества: западное общество соответствует состоянию социума с $c_i/b_{ji} > 1$, восточное — состоянию с $c_i/b_{ji} < 1$. Причина такого расхождения способов самоорганизации заключается в различии условий существования этих обществ. Так, социум с $c_i/b_{ji} > 1$ формируется при наличии разнообразных видов ресурсов и стремления к обмену ими на основе рыночных отношений, при этом внешние угрозы не должны быть велики (такая ситуация возникала в торговых и индустриальных обществах Запада). Условием формирования социума с $c_i/b_{ji} < 1$ является наличие внешнего врага, претендующего на главный ресурс — землю (такая ситуация постоянно воспроизводилась в земледельческих и кочевых обществах Востока).

2. Указанные состояния являются *устойчивыми*, однако стабильность этих состояний сохраняется до тех пор, пока отношение c_i/b_{ji} заметно отличается от единицы. Когда $c_i/b_{ji} \approx 1$, общество неустойчиво, возможны социальные срывы и катаклизмы.

3. Величина параметров c_i и b_{ji} определяется внутренними, в основном *социально-психологическими*, факторами, вследствие чего общество может активно влиять на них, тем самым усиливая (или ослабляя) свою устойчивость. В социуме первого типа (в западном обществе) целесообразно усиливать независимость социальных субъектов и инициировать конкуренцию между ними (то есть повышать значение c_i). Это реализуется за счет утверждения в обществе «западных ценностей» (экономическая и политическая свобода, «права человека», священная и неприкосновенная частная собственность, политическая демократия, правовой характер общества, разделение законодательной, исполнительной и судебной власти и т. п.) и развития рыночных отношений. С другой стороны, в таком обществе требуется снижение внешней конфликтности (то есть уменьшение b_{ji}), что естественным образом согласуется с необходимостью установления деловых и торговых контактов с партнерами по бизнесу вне зависимости от их гражданства, вероисповедания, идеологических пристрастий и т. п. В социуме второго типа (в восточном обществе) целесообразно усиление внутренней консолидации и сплоченности (снижение c_i), что достигается идеологическими (религиозными) и административными средствами. Одновременно необходимо усиливать противопоставление внешним силам (повышать значение b_{ji}), что часто достигается путем создания образа внешнего врага на этнической, профессиональной, социальной основе.

4. Различие стратегий обеспечения устойчивости обуславливает различие доминирующих социально-психологических установок и этических императивов в западном и восточном обществе. Как отмечалось выше, существование этических систем двух противоположных типов теоретически обосновано В. А. Лефевром [Лефевр, 2003]. Первая из них основана на запрете зла, вторая — на декларации добра. Обе системы внутренне логичны и непротиворечивы, но в практических ситуациях приводят к противоположным моделям поведения. Так, если в первой системе одобряется стремление к компромиссу с партнером, то во второй считается правильным подчинить его своей воле.

Анализ особенностей этих систем показывает, что первая из них формируется и закрепляется в обществе западного типа, а вторая — в обществе восточного типа. Действительно, выше

было показано, что вторая система направлена на минимизацию отношения c_i/b_{ji} в обществе в условиях ограниченности имеющихся ресурсов, то есть вторая этическая система — это своего рода ресурсосберегающая технология социального выживания *коллектива «своих»* в ходе конкурентной борьбы с «чужими» (что важно для общества восточного типа). Что касается первой этической системы, то здесь конкурирующие социальные субъекты не представляют собой коллективы «своих». Соответственно, эта система не средство организации совместных действий «своих» для достижения общей цели, а технология отсекаания нежелательных для общества действий через нормативно закреплённую правовую систему (это важно для общества западного типа).

Таким образом, различие структуры устойчивых состояний в западном и восточном обществе предопределяет и различие соответствующих им этических систем и моделей поведения. Это возводит стену непонимания и неприятия одного общества другим.

5. Следствием вышесказанного является также разная роль центральной власти и разное отношение к ней в обществе западного и восточного типа. Начнем обсуждение этой темы с восточного общества, в котором существует резкое деление на «своих» и «чужих». «Свои» объединены общей целью — обеспечением коллективного выживания перед лицом внешних угроз. В условиях перманентного противостояния «чужим» требуется эффективная центральная власть, способная сформулировать единые задачи, организовать совместную деятельность «своих», защитить их от посягательств извне. Мобилизационные функции центральной власти требуют от нее быстрого управления и предполагают безусловное выполнение выдаваемых приказаний. В этих условиях формируется жесткая директивная система социального управления [Малков, 2009].

В отличие от этого в западном обществе нет жесткого разделения на «своих» и «чужих». Каждый субъект преследует свои личные интересы, рассчитывает на собственные силы. Взаимодействие субъектов общих правил игры, контроль за соблюдением которых возлагается на центральную власть. Учет интересов общества осуществляется за счет выборности органов управления. Экономическая независимость субъектов ограничивает возможности давления на них со стороны власти. Наоборот, общество имеет возможность влиять на власть путем ее периодического переизбрания. В этих условиях формируется адаптивная система социального управления [Малков, 2009].

Итак, анализ показывает, что западное и восточное общество — это реализация двух структур устойчивых состояний (аттракторов) в системе социальных отношений «свой–свой» и «свой–чужой». Для западного общества характерно соотношение $c_i/b_{ji} > 1$, для восточного — $c_i/b_{ji} < 1$. Отсюда вытекает, что кардинальное цивилизационное различие Запада и Востока не парадокс, а логичное следствие различия условий существования этих структур аттракторов.

Возникает вопрос: насколько устойчивы эти структуры к изменению параметров c_i и b_{ji} , то есть к изменению социально-психологических установок в обществе? Обратимся к обществу восточного типа (см. рис. 2, а). Анализ на основе модели (1) показывает, что оптимальной стратегией для конкурирующих субъектов в этом случае является уменьшение c_i (внутренней конфликтности среди «своих») при одновременном увеличении b_{ji} (агрессивности к «чужакам»). На рис. 2, б изображена математическая интерпретация реализации такой стратегии субъектом № 1 в ходе его конкурентной борьбы с субъектом № 2.

Видно, что при уменьшении отношения c_1/b_{21} область притяжения I увеличивается, субъект № 1 получает преимущество в конкурентной борьбе и достигает доминирования, даже не обладая большими ресурсными возможностями и «силой» u_1 . В свете этого понятно, что восточное общество постоянно воспроизводит в общественном сознании данную стратегию, обеспечивая устойчивость социально-психологических установок и моделей поведения.

В западном обществе ситуация иная. Устойчивое сосуществование конкурирующих субъектов возможно лишь в случае, когда *все* они придерживаются стратегии увеличения отношения c_i/b_{ji} , то есть исповедуют западные ценности, изложенные в начале статьи. Стоит кому-либо

из субъектов пойти по пути уменьшения отношения c_i/b_{ji} и использовать толерантность партнеров в своих корыстных целях, как ситуация начнет развиваться в его пользу. Математический образ реализации такой стратегии субъектом № 1 изображен на рис. 3.

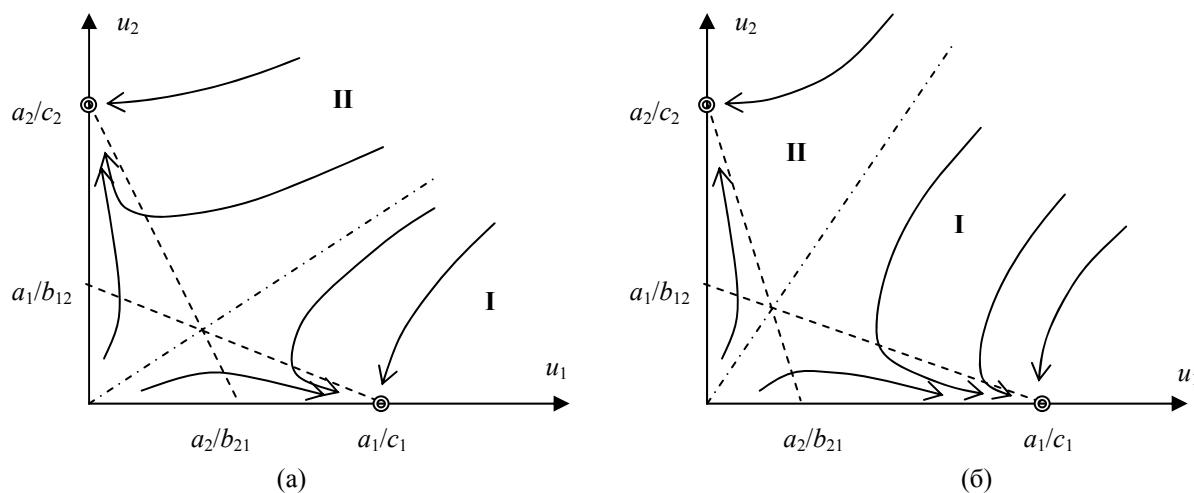

Рис. 2. Изменение фазовых траекторий в обществе восточного типа при уменьшении отношения c_1/b_{21} в уравнении (1) (см. пояснения в тексте): а) начальное состояние; б) конечное состояние

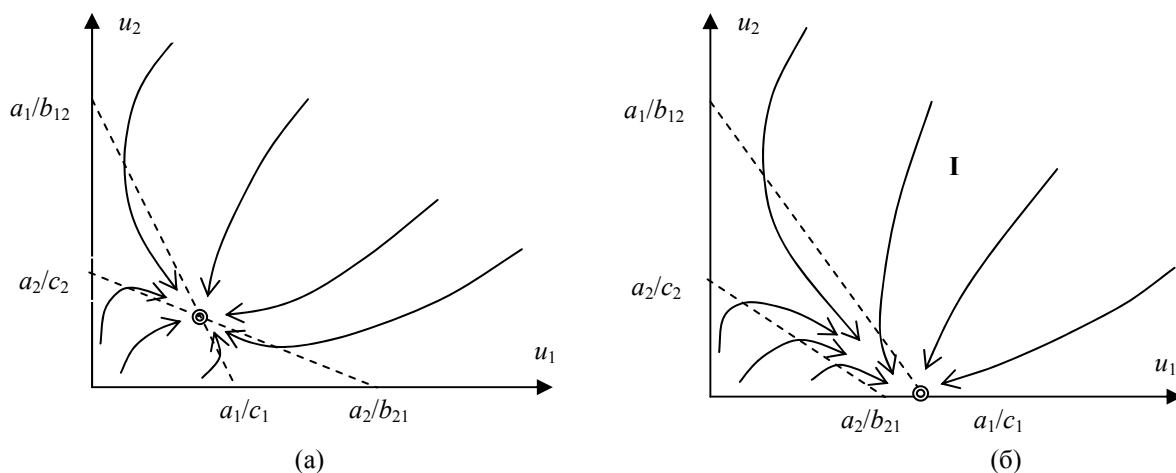

Рис. 3. Изменение фазовых траекторий в обществе западного типа при уменьшении отношения c_1/b_{21} в уравнении (1) (см. пояснения в тексте): а) начальное состояние; б) конечное состояние

Ситуация, изображенная на рисунке, является иллюстрацией того, что в западном обществе переход какого-либо субъекта к стратегии уменьшения отношения c_i/b_{ji} дает ему значительные преимущества и резко дестабилизирует обстановку, разрушая равновесное состояние. Исторической иллюстрацией этому является приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году. Национал-социалистическая германская рабочая партия завоевала большинство в Рейхстаге легитимно, в результате выборов. Однако сразу после этого по ее инициативе Рейхстаг принял закон о чрезвычайном положении, все остальные партии были запрещены, а профсоюзы распущены. Начался период нацистской диктатуры (высокое b_{ji}), закончившийся национальной катастрофой. Таким образом, ситуация равновесия в западном обществе — состояние относительно неустойчивое (неустойчивое относительно используемых субъектами стратегий).

Во имя обеспечения устойчивости нельзя допускать в западное общество субъектов, использующих стратегию уменьшения c_i/b_{ji} . Именно поэтому так много усилий тратится на пропаганду и распространение западных ценностей («права человека», «демократия», «неприкосновенная частная собственность» и т. п.) и на их защиту экономическими, политическими и военными средствами.

Аналогичная ситуация имеет место в отношении устойчивости систем социального управления (ССУ). Можно математически строго показать (см. [Малков, 2009]), что директивная система управления, характерная для восточного общества, локально устойчива по отношению к изменению структуры, то есть при изменении количества и характера управленческих связей между элементами системы появляющиеся недостатки (прежде всего — увеличивающиеся затраты на управление) не компенсируются ожидаемым повышением эффективности ССУ. Не удивительно поэтому, что попытки государственного реформирования в странах Востока, как правило, заканчивались возвращением к жесткой директивной системе управления (к диктатуре, авторитарному режиму и т. п.). Более того, когда быстрое реагирование и согласованность действий являются главными критериями эффективности, жесткая директивная ССУ является единственно целесообразной и оправданной. Поэтому управление армий всего мира основывается на принципах директивной ССУ: на единоначалии, жесткой дисциплине и безусловном выполнении приказов.

В отношении адаптивной системы социального управления ситуация иная. Эта ССУ обладает высокой эффективностью и низкой затратностью только в том случае, если задействованы все связи между элементами. Если в силу каких-либо обстоятельств (преднамеренных или непреднамеренных) часть связей перестает функционировать, то эффективность управления резко падает. В условиях подобного кризиса выправить ситуацию зачастую становится возможным лишь в одном случае: вводя в стране режим чрезвычайного положения (то есть переходя к жесткой директивной системе управления). Совершить обратный переход (вернуться к начальному состоянию) существенно сложнее, осуществимость обратного перехода зависит от ряда условий. Основным из этих условий является способность и желание членов общества отстаивать свою экономическую независимость и суверенность по отношению к центральной власти, что характерно для западного общества и не характерно для восточного.

Проведенный анализ показывает, что и восточное, и западное общество обладают устойчивостью, но это устойчивость разного типа. Устойчивость восточного общества можно назвать статической, а западного — динамической. Устойчивость восточного общества обеспечивается тем, что стратегия уменьшения отношения c_i/b_{ji} является выигрышной для каждого субъекта и поэтому постоянно воспроизводится в процессе социальных взаимодействий. Устойчивость западного общества возможна лишь до тех пор, пока все субъекты придерживаются стратегии увеличения отношения c_i/b_{ji} , хотя для каждого отдельно взятого субъекта эта стратегия не является оптимальной. То есть устойчивое существование западной модели социума — это реализация *коллективного эффекта в обществе «чужих»*, возможная лишь при достаточно высокой ресурсной обеспеченности (необходимой для экономической независимости субъектов) и при господстве строго определенных социально-психологических и этических установок (приверженности западным ценностям).

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что отличие Востока и Запада закономерно: это два устойчивых социальных состояния-аттрактора, в которых экономические, организационные и социально-психологические параметры соответствуют друг другу вполне определенным образом. Для Запада характерно сочетание «рыночная экономика либерального типа – адаптивная система управления – первая этическая система», для Востока — сочетание «распределительная экономика – директивная система управления – вторая этическая система». Следуя С. Г. Кирдиной [Кирдина, 2001], можно западное общество назвать Y-структурой, а восточное — X-структурой.

Основные отличительные черты этих социальных структур отражены в таблице 1 [Малков, 2013].

Таблица 1. Отличительные особенности X- и Y-типов социальных структур

Характеристика	X-структура	Y-структура
Институциональные особенности	1. <i>Регулируемая</i> экономика 2. <i>Директивная</i> централизованная система управления (вертикальные иерархии) 3. Примат <i>коллективизма</i> в социально-психологической сфере	1. <i>Либеральная</i> рыночная экономика 2. <i>Адаптивная</i> (демократическая) система управления (горизонтальные сети) 3. Примат <i>индивидуализма</i> в социально-психологической сфере
Условия формирования	– серьезные внешние угрозы – недостаток ресурсов (<i>игра с нулевой суммой</i>)	– отсутствие серьезных внешних угроз – разнообразие ресурсов (<i>игра с положительной суммой</i>)
Характер конкуренции	конкуренция социумов (выживает сильнейший социум)	конкуренция индивидов (выживает сильнейший индивид)
Цель	<i>Безопасность</i> (выживание социума)	<i>Развитие</i> (повышение индивидуального благосостояния)
Способ достижения цели	объединение слабых вокруг сильного (сильная центральная власть)	объединение слабых против сильного (слабая центральная власть)
Приоритеты	– <i>кооперация</i> как принцип – обеспечение единства общества – улучшение управления	– <i>конкуренция</i> как принцип – инициирование плюрализма, экономической активности
Этическая система	« <i>декларация добра</i> » (идеологическое единство)	« <i>запрет зла</i> » (свобода действий в рамках закона)
Угрозы системе	– потеря единства общества – снижение эффективности власти, бюрократизм, коррупция	– монополизация власти – имущественное расслоение
Объект защиты	социальная организация (государство)	индивидуальные права и свободы

Важно, что данные типы общества отличаются не только структурой, но и механизмами самоорганизации и обеспечения устойчивости (выживаемости). При этом в обществе X-типа происходят процессы социальной кластеризации (формирование жестких социальных, конфессиональных, этнических и других перегородок, замкнутых кланов и социальных групп, противопоставляющих себя друг другу). Для обществ Y-типа социальная кластеризация не характерна, социум атомизирован: каждый член общества сам за себя, стремится в минимальной степени зависеть от других.

3. Перспективы мирового развития

Возвращаясь к анализу глобальных исторических процессов, следует констатировать, что наиболее драматичной эпохой перемен является современная эпоха, о чем свидетельствует взрывной рост ключевых показателей развития в последние два столетия [Садовничий и др., 2012]. При этом, как уже говорилось выше, в последние десятилетия происходит слом тенденций, формировавшихся в индустриальную эпоху. Период экстенсивного роста в условиях расширения ресурсной базы («игра с положительной суммой») заканчивается. Об этом, в частности, свидетельствует разразившийся в 2008 г. финансово-экономический кризис, являющийся продолжением кризиса 2000 г. На очереди следующая, более серьезная фаза кризиса, которая будет иметь уже не только экономический, но и политический характер.

В ближайшие десятилетия мир ожидают сильные изменения:

- глобальный демографический переход (постепенная стабилизация численности населения Земли);
- радикальное изменение современной экономической системы и экономических отношений (прежде всего в сфере финансов), ограничение экономического роста;

- радикальное изменение современной политической системы (окончание доминирования Y-структур).

Соответственно, в исторической перспективе ожидается сдвиг в сторону усиления X-структур, к формированию системы глобального регулирования. Вопрос заключается в том, на каких основаниях будет осуществляться это регулирование. Здесь необходимо сказать следующее.

Глобализация усиливает экономические связи между странами и повышает их специализацию в мировом разделении труда. Специализация с усилением глобализации будет неуклонно повышаться. Биологическим аналогом полностью глобализованной системы является организм, где каждый орган выполняет свою, жизненно необходимую для организма функцию. В организме все органы одинаково важны и «заинтересованы» в эффективной работе друг друга, «дискриминация» отсутствует.

Мировая система исторически движется по направлению к созданию такого единого организма, работа которого будет согласовываться, регулироваться и контролироваться единым центром, который условно можно назвать мировым правительством. Вопрос лишь в том, как будет происходить данный глобальный переход от конкурирующих кластеров-государств к единому Мир-организму (являющемуся следующей стадией развития Мир-системы И. Валлерстайна [Wallerstein, 1984]).

Путей формирования Мир-организма может быть два.

Первый путь: нынешний экономический лидер США и его союзники — приверженцы либерально-рыночной парадигмы, они выстраивают глобализацию под себя, руководствуясь принципами максимизации прибыли (своей) и «экономической эффективности». При этом положение Запада, как бенефициара мирового развития, сохраняется, страны периферии подстраиваются под потребности Запада, обслуживают его интересы. Оппозиция «центр–периферия» сохраняется и усугубляется, отношения между странами неравноправны.

Второй путь: «общественный договор» стран мира (глобальный консенсус) по поводу путей развития на основе согласованных целей и общих интересов с учетом мирового разделения труда. Этот путь основан на отказе от выбора принципа «максимизации прибыли» в качестве системообразующего, на выстраивании новой системы международных экономических и политических отношений, максимальным образом учитывающих культурно-исторические особенности стран, их опыт и возможности при формировании единого социально-экономического мирового организма.

Будет ли будущий Мир-организм Y-системой? Представляется, что не будет (как бы этого ни хотели США и другие страны Запада), поскольку с завершением глобализации неизбежен переход к «игре с нулевой суммой», в условиях которой конкурентные Y-структуры теряют свою эффективность (из-за невозможности наращивать прибыль), и необходим переход к согласованному перераспределению материальных, трудовых, интеллектуальных ресурсов.

Будет ли будущий Мир-организм X-системой? Думается, что тоже не будет, поскольку X-структура предполагает жесткое разделение на «своих» (с которыми надо делиться и которым надо помогать) и «чужих» (с которыми надо бороться и которых надо уничтожать), а это подразумевает наличие сильного внешнего врага, угрожающего самому существованию системы. После завершения глобализации и включения всех стран в Мир-организм понятие «внешнего врага» исчезает (если не брать всерьез фантастический сценарий борьбы с внеземными цивилизациями), соответственно, исчезают необходимые основания для формирования X-структуры.

Какие же тогда возможны варианты? Логичным в этой ситуации является вариант формирования качественно новой социальной структуры, объединяющей X- и Y-элементы и основанной на новой идеологии (новой «условной информации», по Д. С. Чернавскому [Чернавский, 2004]). Самое интересное, что исторический прецедент подобной ситуации уже был в конце предыдущей «эпохи перемен».

Как уже говорилось выше, историческим аналогом современной эпохи является окончание «осевого времени» (см. рис. 1). Тогда тоже была своя глобализация: образование огромных им-

перий, усиление экономических связей внутри империй при наличии этнической, культурной, религиозной разнородности населения. Для каждой империи (в том числе и для Римской) с необходимостью возникала и становилась все более актуальной задача объединения разнородных территорий и народов в единый организм. Для этого пробовались различные средства, в том числе идеологические (например, внедрение культа императора на территории Римской империи [Джарман, 2012]), но безрезультатно. Задача оказалась разрешимой, когда возникло *христианство*, которое резко отличалось от всех предыдущих религий по своим принципам. Если до христианства правилом было «око за око, зуб за зуб», то христианство провозгласило необходимость любви к своим ближним, включая врагов. Был отвергнут принцип деления людей на категории «своих» и «чужих» по этническим и социальным признакам¹. Прежде враждующие социальные и этнические группы были объединены в общество «братьев во Христе». Были провозглашены универсальные ценности, духовное было поставлено выше материального. И мир действительно изменился (за счет снижения внутренней конфликтности), произошел фазовый переход к новой исторической эпохе.

Мы сейчас находимся в точно такой же ситуации. Только глобализация сейчас не локальная (в рамках империи), а истинно глобальная (в рамках мира в целом). Технологическая революция начала XIX века (замена ручного труда машинным) привела к переструктуризации общества. В доиндустриальном X-обществе социальная структура была сословной, сформированной по иерархическому принципу. В ходе индустриальной трансформации начала развиваться капиталистическая Y-система и стала формироваться новая социальная структура с разделением общества не на сословия, на классы предпринимателей (капиталистов) и наемных работников (пролетариат). Соответственно, основные противоречия в обществе сместились в область взаимодействий этих новых классов. При этом капитализм, первоначально развивавшийся внутри национальных границ, достаточно быстро перерос данные границы, инициировав процессы глобализации (ярким примером наднациональных производственных структур являются транснациональные компании). Естественно, процессы экономической глобализации инициировали поиск новой идеологии, адекватной ситуации расширения нового технологического уклада за пределы национальных границ.

Первыми такую попытку сделали представители пролетариата² — нового социального слоя, который оказался экономически обделенным (*проект бедных*). Это — коммунистическая идеология³, провозглашающая надэтническое объединение трудящихся всего мира («пролетарии всех стран — соединяйтесь») во имя построения справедливого общества без национальных границ («коммунистический интернационал»). Считалось, что государство в конечном итоге отомрет и установится новый общественный строй, охватывающий весь мир и основанный на объединениях (ассоциациях) трудящихся. Сначала, особенно после образования СССР в начале XX века, популярность коммунистических идей стремительно росла, в большинстве стран мира образовались коммунистические партии. Однако в конечном итоге коммунистический проект (который можно назвать «глобализацией снизу») не достиг успеха, поскольку он не смог согласовать интересы всего общества и, соединяя, разъединял: стремясь объединить пролетариев разных стран, он противопоставлял их непролетариям, порождая социальные антагонизмы.

Следующую попытку сделали богатые. После того как в конце XX века международные информационные и торговые потоки плотной сетью охватили всю планету, а транснациональные компании проникли во все уголки мира (реализуя «глобализацию сверху»), мировая элита (прежде всего элита США) стала предпринимать усилия по насаждению идей либеральной де-

¹ Послание апостола Павла к Галатам (гл. 3, ст. 27–28): «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного».

² Несмотря на нарастающее экономическое усиление буржуазии в XIX веке, она не смогла (в силу взаимной конкуренции за национальные и мировые рынки) первой предложить глобальный объединительный проект. Поэтому пальма первенства глобального проекта досталась пролетариату.

³ Историческим аналогом этого *проекта бедных* являются возникшие в конце предыдущей эпохи перемен (то есть во время завершения «осевого времени» [Ясперс, 1994]) эгалитаристские воззрения эссеистов [Амусин, 1983].

мократии во все страны мира (*проект богатых*⁴). Это проект транснациональной идеологической унификации, основанный на повсеместном внедрении примата индивидуализма, «общечеловеческих ценностей и свобод». Как и в коммунистическом проекте, выдвигаются идеи о стирании национальных границ, о ненужности государства. После развала СССР популярность либеральной идеологии стала стремительно расти, во многих странах мира (прежде всего в странах бывшего социалистического лагеря) образовались и укрепились политические партии либерального толка. Однако, как и в случае с коммунистической идеологией, становится все более очевидно, что этот проект несостоятелен. Попытки насильственного внедрения «демократии» в страны третьего мира приводят к хаотизации, насилию, гражданским войнам⁵. Переход к «демократии» в странах второго мира (то есть в странах бывшего социалистического лагеря) не оправдал надежд, привел к деиндустриализации, социальной апатии.

Мы неизбежно должны будем перейти от нынешнего доминирования Y-систем к абсолютно новой глобальной системе, устойчивость которой будет основана на новой идеологии, новой духовности (то есть новой «условной информации», по Д. С. Чернавскому), делающей разворот от принципов конкуренции к принципам сотрудничества⁶. В этих условиях возрастает ценность российского цивилизационного опыта [Малков, 2013].

4. Российский цивилизационный опыт: мировое значение

Россия — это страна, уже прошедшая интеграционный путь, без меча и огня объединившая бескрайние и разнородные евразийские пространства. При этом в России ни X-, ни Y-институциональное состояние *не могло* реализоваться в своем «классическом» виде. Неоднократные попытки идти то по одному, то по другому пути воспринимались как шараханье из стороны в сторону, но не давали желаемого результата. Причина этого во многом заключалась во влиянии российских геополитических и природно-климатических условий, делавших неэффективными «западные» (Y) и «восточные» (X) рецепты повышения устойчивости социума.

Российская специфика заключалась в следующем. Живя в суровых природно-климатических условиях, при наличии постоянного военного давления со стороны агрессивных геополитических соседей, русский этнос мог выжить только при наличии сильной центральной власти, аккумулирующей имеющиеся ресурсы для противостояния внешним угрозам. Поэтому основным социальным императивом в российских условиях был X-императив — «*объединение слабых вокруг сильного*». С другой стороны, в силу недостаточности ресурсов их концентрация была возможна только в результате *мобилизационных* мер, что ограничивало развитие рыночных отношений и неизбежно повышало внутреннюю конфликтность в обществе. Кроме того, жизнь на русской равнине совместно с множеством других этносов была возможна только при установлении с ними добрососедских отношений (другими словами, при снижении внешней конфликтности). Это противоречивые требования, выполнение которых приводит к снижению социальной устойчивости и повышенной уязвимости общества X-типа. России пришлось выработать свой уникальный (выделяющий ее в отдельную цивилизацию-государство) способ повышения устойчивости общества, который заключается в снижении внутренней конфликтности, в достижении *единства* социума с помощью как социально-психологических механизмов, так и целенаправленных административных мер. Наиболее значимыми и надежными являются *социально-психологические механизмы*, оказывающие влияние на формирование национального характера. В результате у русского этноса исторически сложились и закрепились такие психологические черты, как терпение, коллективизм, непротивление власти, толерантность к другим народам и культурам. Без этих черт характера независимое существование русского этноса и российской государственности *было бы невозможно*. Эти черты резко отличали русский эт-

⁴ Историческим аналогом *проекта богатых* являются предпринимавшиеся в эпоху Римской империи попытки ввести обязательную для всех провинций официальную религию на основе культа императора [Джарман, 2012].

⁵ Примеры: Ирак, Ливия, Сирия и др.

⁶ Подобно тому, как духовный кризис «осевого времени» был преодолен христианством.

нос от остальных народов и были не проявлением слабости (как это порой тенденциозно трактуется), а психологическими механизмами, обеспечивающими его устойчивость и живучесть в критических условиях.

Психология русского народа, благодаря которой общество стало устойчивым даже в экстремальных условиях, предоставляла центральной власти кредит доверия в надежде, что он будет использован в интересах всего общества. Государство в России призвано быть сильным и ответственным. К сожалению, оно далеко не всегда оправдывало свое предназначение. Власть пользовалась ресурсами, предоставляемыми ей обществом, но часто распоряжалась ими крайне неэффективно, особенно в мирное время. И это — обратная сторона медали.

Несмотря на указанную проблему ответственности власти, исторический опыт России оказывается в современной мировой ситуации чрезвычайно важным. Культурно-историческая заслуга России заключается в освоении огромных пространств, в создании технологий социального общежития и обеспечения жизнедеятельности в суровых природных и геополитических условиях. Особенности цивилизационного опыта России, которые могут оказаться востребованными в процессе формирования Мир-организма, являются:

- опыт проведения *несиловой «глобализации»* разнородных этнических и экономических пространств на территории Российской империи и СССР (российская глобализация евразийских территорий — 1/6 части суши — была проведена довольно успешно и достаточно бесконфликтно в условиях сильной разнородности регионов с обеспечением их экономической специализированности);
- отработка методов социальной интеграции этнически разнородного населения (и их элит) в Российской империи и СССР (дружба народов Советского Союза была не на словах, а на деле);
- опыт решения важнейших экономических и политических проблем как больших проектов (мегапроектов), например: «Москва — третий Рим» (при Иване III), «окно в Европу» (при Петре I), «построение социализма» (при СССР); освоение и развитие новых технологий осуществлялось как инструмент для достижения амбициозных целей в рамках мегапроектов (например, освоение кораблестроения в рамках мегапроекта «окно в Европу», создание атомной энергетики и ракетостроения в рамках мегапроекта «построение социализма» и т. п.);
- актуализация духовных (не рыночных) стимулов в реализации мегапроектов, опора на особенности культуры, а не на стремление к прибыли.

Цивилизационный опыт России предоставляет ей уникальный шанс предложить миру социально-психологические технологии, отвечающие вызову времени, обеспечивающие бесконфликтный переход к новой глобальной системе — Мир-организму. Восприятие этого опыта не будет быстрым, по отношению к нему неизбежны периоды активного неприятия и противодействия (как в свое время в Древнем Риме были периоды активных гонений на христиан, прежде чем христианство стало государственной религией). Нам, с одной стороны, необходима стойкость в отстаивании своей цивилизационной идентичности и, с другой стороны, нужна открытость миру, пропаганда своих взглядов, своей позиции, своего понимания справедливости. Рано или поздно это даст свои плоды, будет воспринято народами мира и станет одной из идейных основ формирующегося Мир-организма.

Список литературы (References)

Амусин И. Д. Кумранская община. — Л.: Наука, 1983.

Amusin I. D. Kumranskaya obschina [The kumran community]. — L.: Science, 1983 (in Russian).

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. — М.: ЛКИ/URSS, 2009.

Grinin L. E., Korotaev A. V. Kradkaya istoria pod'emov i krizisov: ot Likurga do Alana Greenspena [Brief history of lifts and crises: from Likurg to Alan Greenspen]. — Moscow: LKI/URSS, 2009 (in Russian).

- Джарман О. А.* Культ императора в Древнем Риме и Италии в межзаветную и раннехристианскую эпоху // Христианское чтение. — 2012. — № 2. — С. 56–118.
Dzharman O. A. Kult imperatora v Drevnem Pime i Italii v mezhzavetnuyu i rannekhristskuyu epokhu [Cult of emperor in ancient Rome and Italy] // Christian reading. — 2012. — No. 2. — P. 56–118 (in Russian).
- Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
Kirdina S. G. Institutcionalnyie matritsy i razvitie Rossii [Institutional matrices and the development of Russia]. — Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2001 (in Russian).
- Коротаев А. В.* Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ // История и математика. Макроисторическая динамика общества и государства. — М.: КомКнига, 2007.
Korotaev A. V. Macrodinamica urbanizatsii Mir-Sistemy: kolichestvennyi analiz [Macro-dynamics of urbanization the World-System: quantitative analysis] Istorija i matematika. Macroistoricheskaya dinamika obshchestva i gosudarstva [History and mathematics: Macro-historical dynamics of society and state]. — Moscow: KomKniga, 2007 (in Russian).
- Лефевр В. А.* Алгебра совести. — М.: Когито-Центр, 2003.
Lefevr V. A. Algebra sovesti [Algebra of conscience]. — Moscow: Kogito-center, 2003 (in Russian).
- Малков С. Ю.* Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования. — М.: Либроком, 2009.
Malkov S. Yu. Sotsial'naya samoorganizatsiia i istoricheskii process: vozmozhnosti matematicheskogo modelirovaniia [Social self-organizing and the historical process: the possibility of mathematical simulation]. — Moscow: Librokom, 2009 (in Russian).
- Малков С. Ю.* От Мир-системы к Мир-организму // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. — 2013. — № 1. — С. 76–84.
Malkov S. Yu. Ot Mir-sistemy k Mir-organizmu [From World-System to World-Organism] // The Herald of Moscow University. Series XXVII. Globalistics and geopolitics. — 2013. — No. 1. — P. 76–84 (in Russian).
- Малков С. Ю.* Современный этап модернизации: на пути к Мир-организму // Вестник МГУ. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. — 2015. — № 1/2. — С. 88–109.
Malkov S. Yu. Sonremennyi etap modernizatsii: na puti k mir-organizmu [Contemporary stage of the modernization: on the way to the world-organism] // The Herald of Moscow University. Series XXVII. Globalistics and geopolitics. — 2015. — No. 1/2. — P. 88–109 (in Russian).
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю.* Моделирование и прогнозирование мировой динамики. — М.: ИСПИ РАН, 2012.
Sadovnichii V. A., Akaev A. A., Korotaev A. V., Malkov S. Yu. Modelirovanie i prognozirovanie mirovoi dinamiki [Simulation and the prognostication of world dynamics]. — Moscow: ISPI RAN, 2012 (in Russian).
- Чернавский Д. С.* Синергетика и информация (динамическая теория информации). — М.: Едиториал УРСС, 2004.
Chernavskii D. S. Sinergetika i informatsiia (dinamicheskaya teoriia informatsii) [Synergetics and information (dynamic information theory)]. — Moscow: Editorial URSS, 2004 (in Russian).
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994.
Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [Sense and the purpose of history]. — Moscow: Republic, 1994 (in Russian).
- Wallerstein I.* Economic Cycles and Socialist Policies // Futures. — 1984. — № 16/6. — P. 579–585.